

Ларина Елена Александровна, к.п.н., к.ю.н., доцент,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин
АНО ВО «Российский новый университет», г. Тамбов
Larina Elena Aleksandrovna, Candidate of Pedagogical Sciences, Candidate of Law,
Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines
Autonomous Educational Institution of Higher Education "Russian New University", Tambov

**ПРОБЛЕМЫ ВМЕНЕНИЯ КВАЛИФИЦИРОВАННЫХ ВИДОВ
ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ДОЛЖНОСТНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ И ПРЕВЫШЕНИЯ
ДОЛЖНОСТНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ
PROBLEMS OF IMPUTATION OF QUALIFIED TYPES OF ABUSE
OF OFFICIAL AUTHORITY AND ABUSE OF OFFICIAL AUTHORITY**

Аннотация: в статье рассматриваются проблемы вменения квалифицированных видов злоупотребления должностными полномочиями и превышения должностных полномочий. На основе материалов судебной практики автором делается предложение по дополнению ст.ст. 285 и 286 УК РФ, которые будут способствовать максимальной дифференциации ответственности в рамках разных квалифицирующих составов названных статей.

Abstract: the article discusses the problems of imputation of qualified types of abuse of official authority and abuse of official authority. Based on the materials of judicial practice, the author makes a proposal to supplement Articles 285 and 286 of the Criminal Code of the Russian Federation, which will contribute to the maximum differentiation of responsibility within the framework of the different qualifying structures of these articles.

Ключевые слова: квалифицированные виды злоупотребления должностными полномочиями, дифференциация, вменение, ответственность.

Keywords: qualified types of abuse of official authority, differentiation, imputation, responsibility.

Говоря о квалифицированных видах злоупотреблений должностными полномочиями, следует сказать, что законодатель пошел по пути введения дифференциации ответственности по ст. 285, 286 УК РФ, применив выделение в ч.2 и ч. 3 названных статей отдельных квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков соответственно.

Говоря о квалифицирующих признаках, следует сказать, что в названных статьях они дублируются. Так, законодателем к таким признакам отнесено совершение соответствующего преступления лицом, занимающим государственную должность, притом как в системе органов власти субъекта РФ, так и в федеральных органах государственной власти; помимо этого, к числу квалифицированных признаков отнесено так же совершение преступления лицом, занимающего муниципальную должность, однако лишь должность главы органа местного самоуправления, или совершенные с применением насилия или с угрозой его применения (п. «а», ч. 3 ст. 286 УК РФ), либо с применением оружия или специальных средств (п. «б», ч. 3 ст. 286 УК РФ), либо повлекшие причинение тяжких последствий (ч. 3 ст. 285 УК РФ, п. «в», ч. 3 ст. 286 УК РФ).

Образование именно квалифицированного состава рассматриваемых деяний лицами, занимающими государственные должности, не случайно, так как санкции по соответствующим деяниям являются значительно более суровыми. Необходимость такого подхода обосновывается в первую очередь тем, что лица, указанные в диспозиции данных частей рассматриваемых статей, имеют значительные должностные государственные полномочия, применение которых, с одной стороны, значительно упрощает процесс совершения преступления, а одновременно с этим значительно подрывает авторитет государства в лице своих исполнительных органов перед населением, способствуя формированию отрицательного образа государственных институтов [1, с. 174].

Отдельно следует обратить внимание на содержание собственно нарушения интересов службы при совершении рассматриваемых преступных деяний. Проведя анализ сложившейся судебной практики, следует отметить, что общим подходом стало понимание такого нарушения как входа должностного лица за пределы предоставленных ему должностных полномочий, объем которых определяется внутренними актами организации и положениями трудового договора. Здесь же следует указать на то, что вопрос регламентации полномочий должностного лица при совершении рассматриваемых преступлений выходит на первый план, поскольку именно установление круга полномочий, определение их пределов, установления факта совершения преступления [2].

Говоря о понятиях государственной должности субъекта РФ и РФ, следует сказать о том, что их понимание для рассматриваемых статей определено в примечаниях к ст. 285 УК РФ. Понятие и полномочие главы органа местного самоуправления раскрывается в нормах ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [3].

Видится необходимым более детально обозначить содержание категории применения насилия, а равно с этим угрозы его применения. До настоящего момента в России не сформировано однозначного подхода к данной проблеме.

К сожалению, данный вопрос не получил детальной и точной проработки на уровне обобщающих судебную практику актов Верховного суда РФ.

Теория уголовного права по данному вопросу выработала определенные подходы к данной проблеме. В частности, достаточно обоснованным и разумным выглядит подход, в рамках которого категория насилия для целей превышения должностных полномочий сводится к побоям и иным формам насилия, фактически выражающиеся в болезненных ощущениях для потерпевшего, а равно с этим причинение вреда здоровью любой степени тяжести. Имеется также подход, в рамках которого насилие включает в себя также различные формы осуществления ограничения свободы [4, с. 295].

Данная позиция, изложенная выше, подтверждается и в других исследованиях по рассматриваемой тематике. Примечателен подход, в рамках которого презюмируется невозможность трактовки насилия для целей рассматриваемой статьи как психического насилия [5, с. 60].

Поскольку до настоящего момента указанный вопрос не получил толкование на уровне Постановления Пленума ВС РФ, то до настоящего момента судебная практика не сформулировала единообразного подхода по данной проблеме. Примером акта высшей судебной инстанции, в котором делается попытка сформировать единообразный подход к проблеме применения положения п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ: «Верховный Суд Российской Федерации не согласился с квалификацией действий П. по п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ, признав, что П. в ответ на правомерное поведение потерпевшего совершил насильственные действия, изложенные в приговоре. Вместе с тем, как отметил Верховный Суд, телесных повреждений у потерпевшего не зафиксировано; судебно- медицинской экспертизы, которая бы подтвердила, что совершенные П. действия в отношении К. повлекли ухудшение состояния здоровья К. и находились в причинно-следственной связи с ним, не проводилась, поэтому нет оснований для вывода, что превышение П. должностных полномочий совершено с применением насилия, под которым понимается нанесение побоев, истязание, причинение вреда здоровью любой тяжести» [6].

Однако в другом решении Верховный Суд РФ трактует п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ иначе: «Верховный Суд признал, что под применением насилия применительно к п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ следует понимать не только причинение тяжкого, средней тяжести, легкого вреда здоровью потерпевшего, нанесение побоев и истязание, но и иное физическое воздействие, в том числе и не повлекшее вреда здоровью потерпевшего и не относящееся к побоям, истязаниям» [7].

Данные вышеприведенные судебные акты носят массовый, а не единичный характер. В качестве еще одного примера может служить в последствии отмененный Верховным Судом РФ акт Северного флотского военного суда, которым была произведена переквалификация

деяния ввиду того, что совершенные действия не сказались на физическом состоянии потерпевшего, а потому должны быть оценены в рамках иного деликта – оскорбление. Данный вывод не нашел поддержки у судей Верховного суда РФ, которым по данному делу был сделан иной вывод: характер примененного Р. насилия свидетельствует о намерении не только унижить личное достоинство подчиненного, но и неправомерно наказать его за упущения по службе, существенно нарушив права и законные интересы потерпевшего, что характерно для превышения должностных полномочий [8].

Поскольку действующее нормативное правовое регулирование до настоящего момента в полной мере не произвело разграничение категорий применения насилия и угрозы его применения, то все еще встречаются различия в квалификации внешне идентичных деяний. В частности, одни и те же события зачастую могут получать квалификацию, а в иных случаях может быть обратная ситуация. Примером такого дела может служить следующая ситуация. В деле произошла переквалификация с ч. 3 ст. 286 УК РФ, на часть 1 названной статьи УК РФ. В рамках рассматриваемого дела зафиксирован факт причинения вреда здоровью именно лицом, обвиняемым в совершении преступления. Между тем, судом также установлено, что вред здоровью, фактически выраженный в форме кровоподтеков, был причинен посредством физического удержания потерпевшей за руку. Таким образом, суд посчитал, что действия, совершенные в отношении потерпевшей, подлежат переквалификации на ч. 1 ст. 286 УК РФ [9].

Следует обратить внимание, что приведенная практика является не единичным, а массовым явлением. Так, в одном деле изначально деяние обвиняемых квалифицировано по п.п. «а, б» ч. 3 ст. 286 УК РФ. В соответствии с показаниями потерпевших, со стороны обвиняемых имело место не только избиения, но и дополнительные издевательства, в том числе подвешивание за руки, удушение и т.д. между тем, вышестоящей инстанцией произведена переквалификация преступления на ч. 1 ст. 286 УК РФ. Ввиду понижения квалификации деяния, изменился срок давности привлечения к ответственности, в связи с чем наказание фактически не отбывалось [10].

Общим подходом в теории уголовного права относительно рассматриваемого вопроса физического насилия при превышении полномочий, являются такие действия, как: побои, причинение вреда здоровью (за исключением тяжкого вреда) и иные действия аналогичной направленности. Также в данном контексте следует сказать, что совершение указанных действий не влечет за собой необходимости дополнительной квалификации преступления по иному пункту и статье, помимо п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ.

Говоря о превышении должностных полномочий, которые были сопряжены с покушением на убийство либо собственно убийством [11] следует сказать о том, что в данной ситуации обязательна квалификация по п. «а» и п. «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ.

Рассматривая категорию причинения тяжкого вреда здоровью в контексте превышения должностных полномочий, следует обозначить, что единого мнения ни в науке уголовного права, ни в правоприменительной практике до настоящего момента не сложилось можно сказать, что в настоящий момент имеется по крайней мере три самостоятельных подхода к решению обозначенной проблемы. В соответствии с первым взглядом на проблему, категория насилия включает в себя любое насилие, в том числе выраженное в форме причинения тяжкого вреда здоровью. Однако рядом ученых данный подход не поддерживается, указывая на необходимость дополнительной квалификации деяния. Отдельным взглядом является подход, который предусматривает квалификацию такого деяния дополнительно по ч. 1 ст. 111 УК РФ.

Соглашаясь с позицией, изложенной в работе А.А. Ильина, следует отметить предложенный в работе названного автора подход к пониманию названной проблемы относительно дополнительной квалификации при причинении тяжкого вреда здоровью. В рамках представленного взгляда на рассматриваемую проблему п. «а» ч.3 ст. 285 УК РФ включает в себя только тот тяжкий вред здоровью, который отдельно мог бы быть квалифицирован по ч.1 ст. 111 УК РФ, в случае если речь идет о квалифицированных составах ст. 111 УК РФ, то в этом случае подлежит применению квалификации деяния по совокупности ст.ст. 286 и 111 УК РФ.

Данный подход основан на правилах квалификации преступления при наличии так называемой идеальной совокупности. Суть данного подхода сводится к тому, что применение дополнительной квалификации необходимо лишь в ситуации, когда самостоятельный состав этого квалифицирующего признака является более общественно опасным деянием, т.е. за его совершение установлена более жесткая мера ответственности. Именно такая ситуация имеет место быть при квалификации причинения тяжкого вреда при превышении должностных полномочий, что было описано выше. Как уже было сказано, общественная опасность деяния определяется тем, какая санкция установлена УК РФ за совершение такого деяния. Исходя из вышеприведенного анализа санкций ст. 286 УК РФ и ст. 111 УК РФ вменение ст. 111 УК РФ при превышении должностных полномочий должно основываться на правиле идеальной совокупности [12, с. 189].

Убийство и причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью, совершенное должностным лицом при превышении пределов необходимой обороны либо при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, квалифицируется только по ст. 108 или 114 УК РФ. Данное решение вытекает из положений ч. 3 ст. 37 УК РФ, где сказано, что право на необходимую оборону имеют в равной степени все лица независимо от их профессиональной или иной специальной подготовки и служебного положения, также независимо от возможности избежать общественно-опасного посягательства или обратиться за помощью к другим лицам или органам власти.

Следует отдельно также обозначить содержание категории психического насилия, которое нередко встречается в рассматриваемой категории дел. Речь идет о таких формах насилия, которые имеют своим выражением не собственно действия, а лишь угрозу их совершения: запугивание, угрозы причинения вреда и т.д. Указанные действия направлены на принуждение запугиваемого лица к совершению действий либо бездействия, которые способствуют совершению преступником общественно опасного деяния. Касаясь именно угроз, следует заметить, что они могут быть направлены как на личность потерпевшего, так и на иных лиц. Форма выражения такой угрозы также может отличаться в зависимости от ситуации: может быть как вербальная, так и невербальная форма выражения угрозы. Основным моментом, который учитывается при квалификации преступления, свершенного с угрозой применения насилия – реальность соответствующей угрозы.

Исходя из всего вышесказанного относительно категории насилия применительно к ст. 286 УК РФ, можно сделать следующие промежуточные выводы. Насилие для целей настоящей статьи может выражаться как в форме простых побоев, так и в форме всякого вреда здоровью, за исключением такого вреда, который подлежит оценке как квалифицированные виды причинения тяжкого вреда здоровью. Под угрозой применения насилия следует понимать лишь реально исполнимую угрозу убийством либо причинения вреда здоровью потерпевшему либо иным лицам.

Исходя из многогранности категории насилия в рамках рассматриваемой темы, что очевидно из вышеприведенных аргументов и теоретических обоснований, при этом различные проявления этого насилия могут довольно значительно отличаться степенью общественной опасности друг от друга, при этом не подпадая под условия для применения положений об идеальной совокупности, видится возможным применение законодателем ранее реализованного в других статьях УК РФ механизма, в рамках которого происходит разделение на отдельные части составов, связанных с применением насилия опасного для жизни и насилия, не опасного для жизни потерпевшего. В этой связи насилие, не опасное для жизни и здоровья подлежит включению в ч. 2 ст. 286 УК РФ, в то время как опасное для жизни насилие либо угроза такового, должна быть вынесена в отдельный пункт ч. 3 ст. 286 УК РФ в качестве отдельного особо квалифицирующего признака.

Относительно применения оружия либо специальных средств при превышении полномочий (п. «б» ч. 3 ст. 286 УК РФ), считаем важным обратить внимание на следующие аспекты.

Говоря об оружии для целей применения настоящей статьи, следует указать, что под оружием понимаются лишь те предметы, которые изначально сконструированы таким

образом, что их предназначением является поражение какой-либо цели. Исходя из сказанного, очевидно, что все виды огнестрельного, газового и пневматического оружия, а равно с этим и холодного и метательного оружия для целей настоящей статьи относятся к оружию. Относительно холодного и метательного оружия следует оговориться, поскольку применительно к холодному оружию имеются специально установленные требования, нормативы, посредством которых определяется относимость ножей и подобных вещей к холодному оружию либо к предметам хозяйственно-бытового назначения. Отдельно также следует говорить и про спортивные снаряды, порядок отнесения к которым также строго определен. Наличие значительной схожести в конструкции отдельных видов бытовых ножей, топоров и иных предметов с холодным оружием ведет к серьезным проблемам при квалификации совершенного преступления.

К числу специальных средств относится все то специализированное оборудование и предметы, которые находятся на вооружении правоохранительных органов (резиновые дубинки, наручники, слезоточивый газ и т.д.).

Важным аспектом, на который следует обращать особое внимание при квалификации деяния по п. «б» ч. 3 ст. 286 УК РФ является установление факта применения оружия в нарушение соответствующих регламентов его использования при исполнении служебных обязанностей. Соответствующие ограничения, а равно с этим и условия использования оружия или специальных средств устанавливаются соответствующими отраслевыми и специализированными законами: ФЗ «О полиции», Федеральным законом от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности», Законом РФ от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы», Федеральным законом от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», Федеральным законом от 27 мая 1996 г. № 57-ФЗ «О государственной охране» и т.д.

Следует обратить внимание, что в рамках следствия принципиально важно установить связь между превышением полномочий и собственно использованием оружия, поскольку в противном случае применение оружия подлежит квалификации по совершенно другому основанию.

Категория тяжких последствий, являющаяся одним из квалификационных признаков рассматриваемых статей (ч. 3 ст. 285 УК РФ, п. «в», ч. 3 ст. 286 УК РФ) до сих пор не получила обобщение своего содержания на уровне уголовного закона и является оценочной категорией.

Выходом из ситуации правовой неопределенности мог бы стать п. 21 Постановления Пленума ВС РФ № 19, который, однако лишь в общих чертах описывает категорию тяжких последствий, не давая никакой конкретики, оставляя для следствия и суда большое пространство для маневра при квалификации преступления по названному пункту. Данное определение носит развернутый характер, в виду чего фактически не добавляет определенности в реальное применение данного пункта, а напротив, создает дополнительную запутанность – в соответствии с приведенным положением постановления №19 к числу тяжких последствий относится значительный материальный ущерб, однако ни указанное постановление, ни действующий УК РФ не раскрывает даже примерный порядок цифр ущерба, наличие которого позволяет применять данное положение уголовного закона [13].

Думается, что вполне очевидно в отсутствие единообразных критериев понимания «тяжких последствий» наблюдать совершенно разнообразную правоприменительную практику данной нормы, в том числе на уровне Постановлений Верховного суда РФ.

Так, обращаясь к одному из актов Президиума, можно заметить, что незаконное содержание под стражей на протяжении более года было признано тяжким последствием [14].

Напротив же, причинение тяжкого вреда здоровью само по себе не стало основанием для ВС РФ для вменения осужденному п. «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ [34]. В то же время, анализируя последствия того и иного деяния осужденных из приведенных примеров, применение рассматриваемого пункта в первом примере и отказ от его применения во втором интуитивно не понятны, вызывают существенные вопросы.

Стоит также обратить внимание, что категория тяжких последствий не является уникальной и применяется не только в контексте ст. 286 УК РФ. Между тем, критерии, определяющие содержание данной категории не являются идентичными. Примером может служить ч. 1 ст. 248 УК РФ, в соответствии с которой в случае установления факта причинения вреда здоровью, преступление подлежит квалификации с учетом тяжких последствий для потерпевшего.

Видится возможным рассмотреть еще один пример из судебной практики. Имело место привлечение главы муниципального образования к уголовной ответственности ввиду подписания им документов на ввод в эксплуатацию жилого многоквартирного дома, который фактически достроен не был, ввиду чего условия проживания в нем явно не соответствовали никаким техническим, санитарным и иным требованиям.

В соответствии с приговором суда, такие действия осужденного повлекли тяжкие последствия, получившие свое выражение в следующем:

- грубое нарушение прав граждан, которые по вине руководителя органа местного самоуправления были расселены в изначально аварийное жилье, что подвергало их жизнь и здоровье серьезной опасности, а равно с этим налагало повышенные финансовые требования на содержание такого имущества в состоянии, сколько-нибудь пригодным для проживания в нем.

- нарушение интересов общества и государства ввиду оплаты фактически невыполненных работ по строительству дома.

- подрыв авторитета органов государственной власти и местного самоуправления в глазах населения.

Одновременно с этим, можно сделать вывод о том, что тяжкое последствие, по мнению суда, в данном деле выражается в первую очередь в ущербе, причиненном бюджету муниципального образования [15].

При совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 285 УК РФ, п. «в», ч. 3 ст. 286 УК РФ, могут наступить смерть человека, вред здоровью, уничтожение или повреждение чужого имущества и т.п.

Также в судебной практике в качестве тяжких последствий превышения должностных полномочий воспринимается убийство и причинение тяжкого вреда здоровью. Такой подход, на наш взгляд, справедлив, а равно с этим имеет косвенное подтверждение и в действующем уголовном законе. Ст. 127.1 УК РФ, указывая на тяжкие последствия в одном из квалифицирующих составов, содержит указание на тяжкий вред и на смерть потерпевшего.

Действующий УК РФ содержит также указание и на возможность отнесения к тяжким последствиям причинение вреда здоровью средней тяжести (ч. 2 ст. 333 УК РФ), из чего следует, что в случае отсутствия правового регулирования в этой части для ст. 286 УК РФ, трактовка причинения вреда здоровью средней тяжести в качестве тяжких последствий является допустимой.

Более того, можно обнаружить, в частности, положения ст. 237 УК РФ, в рамках которой всякий вред здоровью человека интерпретируется как тяжкое последствие. Из сказанного допустимо сделать вывод о том, что в отсутствие дополнительных указаний в тексте уголовно-правовой нормы, категорию тяжких последствий в контексте вреда здоровью допустимо воспринимать именно как причинение вреда здоровью любой степени тяжести.

Исходя из анализа имеющейся в открытом доступе информации о ряде уголовных дел, возбужденных ввиду установления факта злоупотребления полномочиями, имеется значительное число ситуаций, в рамках которых злоупотребление полномочия осуществляется не конкретным сотрудником, а целой группой лиц, зачастую по предварительному сговору.

В то же время, данные статьи не предполагают возможности такой квалификации деяния. Видится возможным их закрепление в качестве отдельного пункта данных статей как особо квалифицирующего признака. Следует иметь ввиду, что такой подход уже реализован в ст. 286.1, ст. 290 УК РФ и не является уникальным.

Предложенные в рамках данной статьи изменения в положения ст.ст. 285 и 286 УК РФ будут способствовать максимальной дифференциации ответственности в рамках разных квалифицирующих составов названных статей. Такой подход не противоречит действующему уголовному закону и станет логичным дополнением к уже имеющимся квалифицирующим составом рассматриваемых преступных деяний.

Список литературы:

1. Ильин, А.А. Превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ): понятие, виды, вопросы законодательной техники и дифференциации ответственности: специальность 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право: диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук / Ильин Андрей Александрович; Академия управления МВД РФ. – Москва, 2013. – 300 с.
2. Дугина К.С. Злоупотребление должностными полномочиями и превышение должностных полномочий: уголовно-правовая характеристика, проблемы квалификации / К.С. Дугина // Теория и практика современной науки №3 (57) 58. – 2020. – С.127-131.
3. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 13.12.2024, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2025) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СЗ РФ. 06.10.2003. № 40. Ст. 3822.
4. Шарапов, Р.Д. Физическое насилие в уголовном праве / Р.Д. Шарапов. – СПб.: Аст, 2001. – 321 с.
5. Халиков, А.Н. Должностные насильственные преступления, совершаемые в правоохранительной сфере: характеристика, психология, методика расследования / А.Н. Халиков. – М.: Волтерс Клувер, 2021. – 143 с.
6. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Российской Федерации от 22 января 2022 г.- Сайт. – URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 18.03.2025).
7. Приговор Североморского гарнизонного военного суда № 2А- 65/2016 2А-65/2023~М-315/2016 от 20 июня 2023 г. Сайт. – URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 18.03.2025).
8. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 30.03.1990 №4 «О судебной практике по делам о злоупотреблении властью или служебным положением, превышении власти или служебных полномочий, халатности и должностном подлоге» // Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1990, № 3, ст. 322 (утратил силу).
9. Обобщение судебной практики по уголовным делам о злоупотреблении должностными полномочиями и превышении должностных полномочий (статьи 285 и 286 УК РФ), рассмотренным судами Астраханской области в 2021 году – первом полугодии 2022 года Сайт. – URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 18.03.2025).
10. Обобщение судебной практики Псковской области по уголовным делам о злоупотреблении должностными полномочиями и превышении должностных полномочий (ст.ст. 285, 286 УК РФ). Сайт. – URL: http://oblsud.psk.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=248 (дата обращения: 17.03.2025).
11. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 29.03.2017 № 69-П17ПСС // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 8.
12. Ильин, А.А. Указан. сочинения.
13. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 29.03.2017 № 69-П17ПСС // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 8.
14. Там же.
15. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 21.01.2015 № 127-УД15-4. Сайт. – URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 18.03.2025)

